

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А.А. Болотова

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ: МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования одного из российских экологических поселений. Жители экологических поселений распространяют в России идеи экологического стиля жизни, они стремятся изменить свой образ жизни на более «дружественный природе». В статье описывается история экологического поселения Нево-Эковиль (Карелия). Реконструируется идентификационный культурный код, возникающий в сообществе поселенцев. Код формируется на основе коллективной идентичности и состоит из разделяемых жителями поселения интерпретативных схем. Интерпретативные схемы рассматриваются в рамках противопоставления «мы — они», через которое поселенцы выстраивают символические границы своего сообщества. Выделены базовые оппозиции, характерные для жителей исследуемого экологического поселения: экопоселение — город, экопоселение — традиционная деревня, Россия — Запад. Основные методы исследования — глубинное фокусированное интервью, анализ документов и участвующее наблюдение в поселении.

Никогда не сомневайтесь в силе небольшой группы людей, вознамерившихся изменить мир. В действительности, мир всегда изменяли только такие группы.

Маргарет Мид

Экологические движения ставят целью изменение доминирующего в современных обществах потребительского отношения к природе. В начале своей истории (кон. 1960-х — нач. 1970-х гг.) экологические движения

в западных странах делали акцент на решении конкретных вопросов — люди включались в движения, сталкиваясь с определенной экологической проблемой, они протестовали против строительства атомных станций, гидротехнических сооружений, транспортных магистралей в конкретной местности, против загрязнения территорий в результате промышленной деятельности. Позднее конкретные действия переросли в глобальный протест против существующего общественного порядка. Новые общественные движения* начали борьбу за овладение символическим пространством. В дискурсе экологических движений проблематизируется воздействие, которое оказывает каждый человек на природу, используя различные виды природных ресурсов в повседневной жизни. Экологический протест становится «повседневным протестом» — он выражается через изменение собственного отношения к природе, внедрение в повседневную жизнь экологических практик и распространение информации о своем опыте.

Характерно, что в некоторых странах Западной Европы *экологически устойчивый стиль жизни* (sustainable lifestyle) в последнее время получает массовое распространение (Германия, Дания, Скандинавские страны). Социологи отмечают резкие изменения в действиях и поведении людей по отношению к окружающей среде, начиная с 1988 года.** Многие люди в этих странах изменяют свои привычки с целью уменьшить вред, наносимый природной окружающей среде. Можно утверждать, что в современных обществах возникла неорганизованная общность, «воображаемое сообщество»*** тех, кто изменяет свою повседневность, стремясь снизить воздействие на природу. Представление о таком воображаемом сообществе и осознание принадлежности к нему придает смысл деятельности отдельного человека.

В России постепенно также осознается связь между загрязнением природной окружающей среды и жизнедеятельностью отдельного индивида. Но в настоящее время это осознание происходит не на государственном уровне, и не в обществе в целом, а в среде общественных экологических движений. Контекст действий российских и западных общественных движений резко различается. В России независимые экологические движения возникли относительно недавно — во время перестройки, на волне массовой общественной активности. Они явились одним из новых политических акторов, выражавших интересы общества и требовавших решения насущных проблем. Экологические движения периода перестройки были внеинституциональными, массовыми, они

* Теории Новых общественных движений (НОД) возникли в Западной Европе на основе изучения общественных движений 1970–80-х гг. Новые движения основаны на постиндустриальных ценностях, их участники устанавливают новые отношения с природой, с социальным окружением, формируют новое отношение индивида к самому себе. Движения этого типа осуществляют символический вызов и отвергают рыночные ценности капиталистического общества роста [1, p. 205].

** Так, например, в Англии уровень «зеленого потребления» и экологического активизма резко возрос с 1988 по 1990 г., пик пришелся на 1991 г., затем уровень упал и выровнялся к середине 1990-х годов [2, p. 8].

*** Термин, введенный антропологом Б. Андерсоном [3, p. 15].

выражали протест масс против конкретных антиэкологических проектов. Сейчас движения частично институционализировались, изменился характер коллективных действий, повысилась значимость деятельности по распространению в обществе экологических ценностей. Постепенно в дискурсе российских движений так же, как и на Западе, проблематизируется повседневное воздействие на окружающую природную среду, оказываемое каждым индивидом. Хотя масштаб «экологизации» («позеленения») повседневности в России не сопоставим с западным, российские экологические движения можно рассматривать как субкультуру, в которой происходит этот процесс. В сообществе эоактивистов повседневные практики индивидов переоцениваются с точки зрения воздействия на природу, участники экодвижений вводят в свою жизнь особые *экологические практики*. В этом случае действия участников движения ориентированы непосредственно на личность, т.е. на себя и ближайшее социальное окружение, а не на внешние политические цели.

Одной из форм проявления «экологически отклоняющегося поведения»* являются *экологические поселения* (экодеревни). Экологические поселения — это наиболее ярко выраженная форма ценностного (повседневного) протеста, осуществляемого через изменение собственного образа жизни, демонстрацию *иных* жизненных образцов. Жители экопоселений выражают свой протест против урбанизации, против отторжения современного человека от природной окружающей среды. Основная идея экологических деревень — создать возможности для реализации экологического образа жизни. Такие поселения создаются чаще всего жителями больших городов, испытывающими дискомфорт в урбанизированной, лишенной контакта с природой окружающей среде современного города. Следует отметить, что экологические поселения — это одна из разновидностей альтернативных поселений. Термин *альтернативные поселения* более широкий, к ним относятся все поселения (общины, коммуны), которые создают сообщества людей, объединенные общими (не обязательно экологическими) идеями, идеологиями, духовными учениями и религиозными верованиями.** Создание поселений можно назвать *стратегией автономизации* — в том случае, когда существующие социальные структуры осознаются как препятствующие реа-

* Так назвали английские социологи Ф. Макнотен и Дж. Урри деятельность участников Новых общественных движений экологической ориентации [4, с. 277–279].

** Характерно, что некоторые российские альтернативные поселения, возникшие первоначально на не-экологической объединяющей основе — религиозной или идеологической, впоследствии включают в свои программы экологические идеи. Одна из причин этого явления — популярность и «выгода» экологической тематики для презентации поселения в различных инстанциях, фондах. В качестве примера можно указать на религиозное поселение Тиберкуль в Сибири, возникшее на основе культа учителя Виссариона. Объединяющей идеей в данном случае является религия, но в программных документах, заветах Виссариона большое значение уделяется правилам взаимодействия жителей поселения с природой, развитию у них экологического сознания. Данное поселение является в настоящее время членом Социально-Экологического Союза (СоЭС) — наиболее крупной российской экологической организации, имеющей международный статус.

лизации жизненных интересов индивидов («запретительные» для выбранного стиля жизни), формируются сообщества единомышленников, которые пытаются отделиться от «большого общества» и выстроить альтернативную инфраструктуру. Экологические поселения являются своего рода модельными проектами — демонстрационными зонами экологически устойчивого стиля жизни, центрами, в которых разрабатываются представления о правилах и практиках экологического поведения, идет научение и обучение этим практикам.

В западных странах существует развитое движение экопоселений,* причем большинство поселений связаны друг с другом информационными сетями и личными контактами. Сеть российских экологических поселений постоянно расширяется. По приблизительной оценке, выполненной мною на основании анализа материалов в сети Интернет (каталоги альтернативных поселений, электронные списки рассылок по проблемам экопоселений «Экобаланс» и «Экополис»**), в России в настоящее время существует около 25–30 альтернативных поселений, из них 10 поселений называют себя экологическими.*** В это число включены лишь относительно развитые экопоселения, существующие не менее 5 лет. В последние несколько лет возникло множество новых инициатив создания экологических поселений, которые сейчас находятся на разных этапах развития — в некоторых разработан только проект поселения, в других уже приобретена земля и живут несколько человек. По моим подсчетам, в России сейчас развивается около 30 инициатив экологических поселений (помимо упомянутых 10-ти относительно развитых поселений).

Цель статьи — проанализировать на примере одного из российских экологических поселений идентификационный культурный код, возникающий в сообществе поселенцев. Предполагается, что он формируется на основе коллективной идентичности и состоит из разделяемых жителями поселения интерпретативных схем. Интерпретативные схемы рассматриваются мною в рамках противопоставления «мы — они», через которое поселенцы выстраивают символические границы своего сообщества. Также мною были выделены базовые оппозиции, характерные для жителей исследуемого экологического поселения: экопоселение — город, экопоселение — традиционная деревня, Россия — Запад.

* Приблизительная оценка количества альтернативных поселений в разных странах мира: США — более 500, Израиль — более 280, Британия и Австралия — ок. 150–200; Германия — 127 (по данным, опубликованным в спецвыпуске электронного бюллетеня Московского ИСАР (№ 7, 1998), посвященном альтернативным поселениям).

** Источники информации по данной теме в Интернете — «Каталог альтернативных поселений и экодомов в России и СНГ»: <http://altpos.newmail.ru>; архив рассылки по проблемам экопоселений «Экобаланс»: http://www.topica.com/lists/ecobalance_rus/read; «Портал экологичного образа жизни»: www.ovum.ru.

*** В данной статье я не обсуждаю вопроса о том, какие поселения действительно экологические, а какие — нет. Основанием для наименования поселения экологическим является заявление об этом участников проектов.

В основе данной статьи лежат материалы эмпирического исследования экологического поселения Нево-Эковиль, проведенного мною в сентябре 2000 года.* Применялась стратегия исследования случая (case study), которая предполагает изучение современного социального феномена в контексте реальной жизни (когда границы между феноменом и контекстом размыты), с использованием нескольких различных источников информации [5, р. 24]. Основные методы исследования — глубинное фокусированное интервью, анализ документов (в том числе материалов сети Интернет) и участвующее наблюдение в поселении.

Экологическое поселение Нево-Эковиль было выбрано в качестве основного объекта исследования по нескольким причинам. Во-первых, это поселение существует уже относительно длительное (в нестабильных условиях российского общества) время — 7 лет. Во-вторых, в нем отсутствует доминирующая идеология или религия, жители поселения придерживаются плюрализма убеждений и верований, что важно в свете основных задач данного исследования. Единая религия (или идеология) имеет тенденцию становиться наиболее важным идентификационным кодом для индивидов, живущих в поселениях, определяющим остальные коды и затрудняющим их изучение. Пространственные границы случая определяются территорией, занимаемой поселением Нево-Эковиль. Временные границы поселения — с момента создания до настоящего времени (1994–2001 гг.), при этом прослеживается история создания поселения, жизненные истории живущих в нем людей.

Предполагается, что установленная модель формирования коллективной идентичности не является специфичной для исследованного сообщества, но набор интерпретативных схем в других поселениях может отличаться от выявленного в данном исследовании. Различные интерпретативные схемы не являются взаимоисключающими, они могут перекрываться или иметь некоторое сходство.

История создания и общая характеристика поселения**

Экопоселение «Нево-Эковиль», основанное в 1994 г., располагается неподалеку от поселка Реускула Сортавальского района, республика Карелия. Поселение организовано по инициативе бывших жителей российских мегаполисов — Москвы и Санкт-Петербурга, которые в середине 1980-х годов уехали из городов на о. Валаам, чтобы работать в Валаамском историко-культурном заповеднике. В 1989 г. о. Валаам был возвращен православной церкви, и возрождающийся монастырь начал проводить политику постепенного вытеснения с острова светских жителей и организаций. В 1994 г. шестеро будущих жителей экопоселения

* Также частично были использованы материалы коллективного проекта по исследованию экопоселений (Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ), экологическая группа, рук. М. Тысячнюк. Экспедиции: февраль 1998 (с участием автора статьи), октябрь 1998, август 1999).

** В данном разделе частично используются материалы по этнографическому описанию поселения Нево-Эковиль А. и И. Кулясовых (ЦНСИ) [7].

(им принадлежали на острове два кооператива — реставрационный и садоводческий) приняли решение уехать с острова. При этом они не хотели возвращаться в города, т.к. их не устраивал урбанистический образ жизни. Они хотели *«изменить городской образ жизни, полный социальных условий, замкнутых искусственных пространств, оторванный от естественной природной среды»* (Из статьи руководителя программы «Нево-Эковиль» [8]). Было принято решение организовать в Карелии поселение, соединяющее в себе положительные свойства городской и деревенской жизни — «культурную деревню». Лидер группы ранее уже имел неудачный опыт построения общины, основанной на идеях Рерихов (Живой Этики или Агни-йоги) в 1986–1987 годах на Карельском перешейке в Ленинградской области (община развалилась из-за экономических и философско-религиозных конфликтов в коллективе).

Осенью 1994 г. сформировавшаяся группа получила компенсацию от монастыря за переданное ему жилье, землю и недвижимость кооперативов и переехала в поселок Реускула. Первую зиму участники проекта провели в доме, снятом у жителей поселка. Для укрепления финансового положения группы в г. Сортавала были созданы строительно-архитектурные мастерские «Мир». Весной 1995 г. началось строительство первого дома и закладка плодово-ягодного питомника по выращиванию саженцев (материалы для дома и посадочный материал для питомника привезли с Валаама). В том же году в г. Сортавала инициаторами создания поселения была зарегистрирована общественная организация «Центр экологических инициатив “Нево-Эковиль”», на которую был оформлен участок земли. В 1995 г. Нево-Эковиль стал частью глобальной сети экопоселений и получил грант на 50000 долларов на строительство коммуникаций от датской организации «GaJa Trust», поддерживающей сеть экопоселений по всему миру. На полученные средства был построен участок дороги от поселения до шоссе и линия электропередач.

Общая площадь территории, принадлежащей экопоселению, составляет 29 га, это участок на северном берегу Ладожского озера. Поселение расположено неподалеку от небольшого жилого поселка Реускула, но экопоселенцы практически не поддерживают контактов с жителями поселка. Сейчас на территории Нево-Эковили построено 4 зимних дома и 3 летних, практически закончено строительство еще 2-х зимних домов, для 9 семей расчищены и оформлены участки земли под огороды общей площадью 8,5 га. Жилые дома и приусадебные участки находятся в собственности частных лиц. Кроме того, построены сооружения общего пользования: летняя столовая и баня (собственность организации Нево-Эковиль).

В настоящее время в поселении постоянно проживает 35 человек, из них 17 взрослых и 19 детей (10 семей*). Возраст взрослых участников

* Семья здесь понимается как группа людей, ведущих совместное хозяйство (в основном — объединенных родственными или брачными связями).

данного проекта — от 23 до 74 лет, детей — от нескольких месяцев до 14 лет. Зимой 3 семьи переезжают в г. Сортавала из-за отсутствия зимних домов. Зимой 2000–2001г. в поселении проживало 11 взрослых и 10 детей (6 семей). За время существования поселения (с 1994 г.) один человек умер, приехало 5 новых семей из разных мест — из Саранска (Брянская обл.), Санкт-Петербурга, Москвы, из поселения Китеж*. Кроме того, за этот срок в поселение пробовали переехать на постоянное жительство еще две семьи, но, прожив некоторое время, они были вынуждены уехать (одна семья в связи с финансовыми проблемами и отсутствием денег на строительство дома, другая — из-за сложных отношений с остальными поселенцами).

Жители поселения — это *бывшая городская интеллигенция*: инженерно-технические работники, учителя, врачи, архитекторы, филологи, бывшие военные, географ, садовод, дизайнер, биолог и др. Большинство имеет высшее образование. Эти люди жили в городах, многие не имели опыта ведения сельского хозяйства и жизни в сельской местности. Некоторые имели (в период жизни в городе) опыт работы с землей на дачах. Затруднительно оценить уровень материального достатка семей, живущих в поселении. Это связано с тем, что у нескольких семей основным источником для обеспечения потребностей являются не деньги, а собственное хозяйство. Кроме того, одним из жизненных убеждений некоторых поселенцев является тезис о *незначимости денег и минимизации потребностей*. Так, одна из семей стремится в будущем полностью перейти на самообеспечение и жить практически без денег. Наиболее финансово обеспеченной в данном поселении является семья, организовавшая питомник, в котором выращиваются районированные саженцы фруктовых деревьев и ягодных кустарников. Продукция питомника достаточно известна и популярна в Северо-Западном регионе России и полностью раскупается. Для того, чтобы построить дома в поселении, большинство семей продали свои квартиры в городах. Есть семья, которая несколько лет целенаправленно зарабатывала деньги на строительство дома.

Каждое лето около поселения разбивается палаточный лагерь, в котором живут гости, волонтеры (до 15–20 человек одновременно). Информация о поселении распространяется через личные социальные сети, через информационные сети экологических движений, через Интернет и электронную почту. Постепенно, по мере развития поселения расширяется круг лиц, регулярно приезжающих в поселение. Среди них много иностранцев, в основном финнов. Большинство гостей приезжает летом, но некоторые приезжают и зимой, если в поселении кто-то может разместить их в своем доме. Два года подряд поселение принимало у себя детей-сирот из Сортавальской школы-интерната, которые отдохали и помогали на строительстве.

* Китеж — общинное поселение в Калужской области, детский дом, состоящий из семей с приемными детьми, создано в 1993 г.

При создании Нево-Эковилля инициаторы проекта предполагали обустроить поселение, применив различные ресурсосберегающие технологии. Но экономическая ситуация в России в целом, и в данном экопоселении в частности, не позволяет жителям поселения интенсивно использовать в повседневной жизни дорогие технологии, направленные на снижение нагрузки на окружающую среду. В западных экологических поселениях обычно используется электроэнергия, полученная при помощи солнечных батарей или ветрогенератора, применяются специальные технологии очистки бытовых стоков, переработки и утилизации мусора. В российском варианте экологического поселения используются наименее затратные и *наиболее простые приспособления*, которые зачастую также достаточно эффективно работают и позволяют значительно снизить вред, наносимый природе жизнедеятельностью человека. Рассмотрим, каким образом жители экопоселения решают проблемы, связанные 1) с потреблением воды и очисткой бытовых стоков; 2) с использованием электричества; 3) с утилизацией отходов, бытового мусора.

Воду берут из родника и ручья, не подвергая ее дополнительной очистке. Бытовые стоки из бани, туалетов и умывальников очищаются простейшими фильтрами-септиками (очистными отстойниками), которые сделаны из песка, камней, стекла. В результате в отстойнике остается «серая», техническая вода, которая используется для полива.

Электричество в настоящее время используется из внешнего источника — линия электропередач проведена из поселка Реускула. В перспективе планируется приобретение автономного источника энергии — ветряка или солнечной батареи, но в данный момент у организации не хватает средств на закупку оборудования. Отопление в домах дровяное. Печи в домах сделаны так, что при небольшом количестве дров хорошо отапливается весь дом.

Мусор сортируется, стекло и железо закладывается в фундамент, органические остатки складываются в компостные кучи. Бумага используется для мульчирования или сжигается в печах. Существует нерешенная проблема с переработкой полиэтилена, пластмассы. На данный момент такие отходы либо складываются в мешках на территории семейных хозяйств с расчетом на переработку в будущем, либо отвозятся в город (поселенцы решили не делать помойку вблизи от поселения). Планируется наладить переработку пластиковых отходов на месте, но пока не найдена технически и экономически приемлемая технология.

В Нево-Эковиле преимущественно используются *малозатратные простые* технологии, направленные на снижение нагрузки на природу. Эта особенность характерна для большинства российских экологических поселений (в отличие от западных поселений). Жители поселения не имеют материальной возможности использовать западные экологические технологии, но обладают высокой информированностью о влиянии на природу различных повседневных практик. Они пытаются изучать и придумывать новые экологические технологии — недорогие, простые

механизмы снижения антропогенной нагрузки на природу. Эти технологии либо возникают в результате изменения («упрощения») западных технологий, либо основаны на различных традиционных способах «жизни на земле» — заимствуются и анализируются с точки зрения эффективности для снижения нагрузки на природу различные «деревенские практики», узнаваемые из книг, от деревенских жителей и других людей. На основе исследования поселения Нево-Эковиль можно предположить, что основные «экологические стратегии» жителей российских экоселений — это простота, экономичность, самоограничение и отказ от использования «вредных» (для природы или для человека) товаров.

Путь в экоселение: поиск социального пространства между городом и деревней

На примере жизненных историй жителей Нево-Эковили рассмотрим основные пути, которые приводят индивидов в экологические поселения. Исследуемое поселение возникло относительно недавно. Примерно половина его жителей — команда, образовавшаяся на о. Валаам и вместе решившая организовать поселение. Остальные поселенцы приехали позже, из разных мест.

Рассмотрим историю переезда в поселение семьи, строящей в настоящее время дом в Нево-Эковиле. Муж (38 л.), жена (32 г.), двое детей, он врач, она филолог, жили в городе, работали. *«Ну, поначалу мы окунулись в такую жизнь, как у многих, в такой родительский уклад, то есть мы стали мебель какую-то покупать, обживать, дачу завели, вот именно городской образ жизни. Все там покупают стенку — мы купили стенку, все покупают ковер — мы купили ковер, ну в общем такой **обывательский образ жизни**. Но как-то быстро это надоело и какая-то пустота обнаружилась, что ли. А тут как-то я уже даже не помню откуда у нас эти идеи пошли, куда-то уехать».* В поселение этих информантов привело желание изменить образ жизни. Их не устраивал городской образ жизни, стиль потребления и обустройства, характерный для той социальной среды, к которой принадлежали они и их родители (символы такого стиля жизни — мебель, ковер, дача). Несколько лет семья вела поиски поселения, инициатором поисков был муж. В современную российскую деревню они переезжать не хотели, несмотря на то, что муж был родом из деревни.

Вначале была идея переехать жить в какой-нибудь заповедник, потом через газету ЗОЖ («Здоровый образ жизни») эта семья начала поиски единомышленников, с которыми можно было бы организовать поселение. Они переписывались с разными людьми, несколько раз выезжали в поселения. *«Постепенно стали приходить письма, кто-то давал адреса других, и такая получилась паутина, очень много контактов».* Это не был целенаправленный поиск экологического поселения, но попытка найти (или создать) альтернативу современной деревне. *«Мы уже были такие матерые поисковики, потому что видели, что не годится. Или попадались поселения такие совсем в глуши, куда мы шли с рюкзаком,*

еле-еле добирались, или там наоборот, город 7–10 тыс. населения, тоже как бы не то. А тут мы уже знали — нам нужно не в городе, но в то же время и не в глуши, чтобы если кто заболел, можно вызвать скорую было». Путем таких поисков они связались с лидером Нево-Эковилья, съездили, посмотрели на зарождающееся поселение и в 1996 г. попытались переехать в него жить. Но, прожив несколько недель, решили, что переезжать туда на постоянное место жительства еще рано, необходимо прежде заработать деньги на строительство дома. Для этого они несколько лет жили в Москве, занимались коммерцией (покупка одежды и других товаров в Турции, продажа в Москве). В настоящий момент эта семья купила квартиру в Сортавале, в которой живет только зимой, а весной, летом и осенью живет в поселении и строит дом (завершение строительства планируется летом 2001 г.).

Другая семья, также разочаровавшись в жизни в городе, начала с поисков дома в деревне, но потом встала проблема общения и невозможности в деревенских условиях дать детям образование желаемого уровня. *«Из города решили уехать, решили поехать на землю... Ну а потом мы искали дом, у нас встал вопрос детей, т.е. мы находили дом в деревне, а потом думали, как же они будут, с кем они там будут общаться, как они будут вообще развиваться, где...»* (Ж., 34 г.). Эта семья также не сразу переехала в Нево-Эковиль на постоянное место жительства. Вначале они год прожили в другом поселении, объединяющая идея которого — организация общины, содружества семей с приемными детьми. Условия жизни в этой общине показались информантам чересчур «обобщественными» — общее питание, общие деньги, собственность. Они вышли из этой общины и продолжили поиски устраивающего их поселения. Основные принципы жизни в Нево-Эковиле их удовлетворили, и спустя некоторое время эта семья переехала туда на постоянное место жительства и построила дом, продав квартиру в Санкт-Петербурге.

На примере этих двух случаев показан *целенаправленный* (или идеологический) поиск поселения. Неудовлетворенность городским («обывательским») образом жизни, невозможность реализовать в условиях города собственные жизненные принципы, идеи привела информантов к решению сменить место жительства. Но жизнь в деревне (в том виде, в каком сейчас существует деревня в России) не устраивала эти семьи в связи с отсутствием общения как для взрослых, так и для детей. Некоторое время обе семьи вели целенаправленный поиск: искали контакты с единомышленниками, ездили смотреть различные поселения, делали пробные переезды. В данном экопоселении они остались, потому что их представления о том, какой должна быть жизнь в поселении, совпали с тем, что они увидели в Нево-Эковиле. Эти семьи нашли альтернативу традиционной деревне и современному городу, а также родственную им социальную среду.

Часть информантов привели в Нево-Эковиль *родственные связи* — построил собственный дом и живет там (отдельно от сына) отец лидера

поселения (74 г.), в две семьи приехали бабушки (ок. 70-ти и ок. 80-ти лет), которые живут в семьях своих родственников. Эти, наиболее пожилые поселенцы не разделяют убеждений своих детей и приехали в поселение исключительно ради того, чтобы жить вместе с родными. Кроме того, собирается строиться и переезжать в Нево-Эковиль семья брата жены лидера поселения (в настоящее время эта семья зимой живет в Сортавале, а в поселении только в теплое время года, в летнем доме). Эта семья хочет жить в поселении не только из-за родственных связей, но и потому, что разделяет мировосприятие остальных поселенцев.

Некоторые информанты говорят о *случайном попадании* в поселение — через общих знакомых узнали о поселении, приехали погостить (без идеи переезда), посмотрели, понравилось, решили жить. Этот путь в поселение можно назвать *«эмпирическим»*. В данном случае имеет место частичное совпадение убеждений, ценностей, жизненных целей приехавшей семьи и уже сформировавшегося сообщества. *«Мне сначала просто хотелось построить дом подальше от этой большой клоаки. И только потом я стал задумываться о том, что такое экопоселение. Но главное — люди, и не деревенские, и не городские»* (М., 27 л.).

На примере жизненных историй жителей Нево-Эковилья реконструированы социальные механизмы, приводящие индивидов в экопоселения. Выделены следующие пути попадания в поселения: *целенаправленный (идеологический), родственный, «эмпирический»*. Информация о поселении поступала к индивидам по разным социальным каналам — через друзей и знакомых, через родственников, через информационные сети экологических (и других общественных) движений. На постоянное жительство в поселении остаются те люди (семьи), индивидуальный фрейм которых совпадает с коллективным фреймом сообщества.

Как видно из описанных выше путей прихода индивидов в экопоселение, сообщество, социальная среда играют основную роль при выборе поселения. В каждом поселении у жителей возникает коллективная идентичность, формируются общие фреймы. Рассмотрим далее, что представляет собой коллективный фрейм жителей Нево-Эковилья: как формируется в поселении коллективная идентичность, как создаются символические границы группы, отделяющие «мы» от «они».

Формирование коллективной идентичности в экопоселении

Экопоселения можно рассматривать как одно из экологических движений, несмотря на то, что оно относительно изолированно и поддерживает связь с городскими участниками экодвижений преимущественно по электронной почте. Но именно они наиболее ярко выражают ценностный конфликт, характерный для Новых общественных движений. Жители поселений реализуют в собственной жизни идеи об изменении стилей жизни, доминирующих в современном обществе, на более «дружественные природе». В экопоселениях делается попытка создать альтернативную инфраструктуру, позволяющую снизить антропогенную нагрузку на окружающую среду. Создание экологического поселения,

распространение ценностей и опыта его жителей является особого рода коллективным действием, направленным на развитие экологического сознания в обществе.

Для современных общественных движений характерно стремление к дискурсивному обозначению границ социальной группы. В рамках сообщества происходит формирование общего культурного кода, определение «своих» и «чужих». В случае поселения Нево-Эковиль установление символических границ «мы — они» происходит не только дискурсивно, но и территориально — на территории поселения могут жить только единомышленники, «физические» границы поселения совпадают с символическими границами группы.* Стать «своими» (и, при желании, начать жить в поселении) могут только те люди, которые разделяют общую конструкцию жизненного мира, обладают сходным видением социальной реальности. В поселении возникает особый дискурс, используемый данной социальной группой для описания собственного восприятия реальности, выражения своей позиции и коммуникации внутри данной группы.

Установление символических границ «мы — они» является основным механизмом формирования *коллективной идентичности*. Основой коллективной идентичности становится набор интерпретативных схем (фреймов), с помощью которых индивиды, живущие в поселении, описывают себя и окружающий их социальный мир. Фреймы можно определить как «схемы интерпретаций, позволяющие индивидам локализовать, воспринимать, идентифицировать и обозначать» события, в которых данные индивиды прямо или косвенно участвуют [6, р. 464]. Формирующиеся интерпретативные схемы не являются жесткими, заданными формами, они обладают значительной гибкостью и постоянно меняются.

Как уже упоминалось, для того, чтобы человек стал жителем поселения, должен совпасть личный фрейм индивида с идентификационным кодом уже существующего сообщества. Общее видение социальной реальности формируется в поселении в процессе установления коллективной идентичности. На микромобилизационном уровне этот процесс исследован Виттиер и Тейлор [9, р. 109–121]. Ими были выделены следующие элементы:

1) установление символических границ «мы — они»: на уровне институтов, на уровне ценностей, на уровне конкретных оппонентов (идентичность формируется через оппозицию, через ценностный конфликт с «плохими» институтами, фигурами);

2) формирование сознания, выработка интерпретационных схем, «микрoфилософии», осознание себя в оппозиции (индивид, участвующий в движении, должен разделять определенные представления, «понимание себя», характерные для данного движения);

* Поселенцы имеют возможность контролировать процесс заселения в районе Нево-Эковиль: по договоренности с местной администрацией они не допускают того, чтобы на их территории (или на территории, непосредственно к ней прилегающей) поселялись «чужаки».

3) взаимодействие с окружающим социальным миром: движения выражают оппозицию существующему порядку повседневности, в процессе «переговоров» идет взаимодействие с этим порядком с целью трансформировать его.

Эти три элемента схемы с разных сторон *описывают целостный процесс* — конструирование коллективной идентичности в движениях. Основа коллективной идентичности — осознание «мы» (противопоставленное «они»). Воспользуемся схемой Виттиер–Тейлор для анализа эмпирического материала и выявления общих идентификационных кодов, формирующихся в поселении, и рассмотрим три элемента схемы в комплексе. Сначала реконструируем из интервью общие фреймы жителей Нево-Эковила, анализируя их в рамках базовых оппозиций (противопоставлений), характерных для данного поселения: экопоселение — город, экопоселение — традиционная деревня, Россия — Запад. Затем, на основе анализа конфликтов, рассмотрим ситуации взаимодействия поселенцев лицом-к-лицу с конкретными «они» — носителями других (чуждых поселенцам) ценностей.

Экопоселение — Город

Центральной оппозицией для жителей Нево-Эковила является противопоставление жизни в экопоселении городской жизни (Городу как символу, городским институтам, ценностям урбанистического образа жизни). Такое рефлексивное противопоставление характерно для всех информантов, оно присутствует практически в каждом интервью. Оппозиция «мы — они» звучит в рассказах информантов о городе как оппозиция «здесь — там». Город видится из поселения как нечто огромное, грязное — «клоака», в которой человек становится беспомощной марионеткой, управляемой чьими-то невидимыми руками. *«Городская культура человека превращает просто в обрубок, вводит в него катетеры — трубочку вам воткнули в качестве канализационной системы, в рот в качестве водопровода, обложили вас отопительными системами, лампочку перед глазами повесили и еще экран телевизора. И человек в городе, он врос не в природную среду, а он врос и подключен, как в реанимации, вот к этой **искусственной среде**, которая дает ему определенные “блага”, как это называется, но на самом деле это яд»* (М., 41 г.). В данном фрагменте информант переопределяет «блага» городской жизни как «яд», показывая, что именно «достижения цивилизации», множество коммунальных услуг делают современного человека беспомощным в том случае, если какая-либо из систем даст сбой в работе. *Искусственная среда* города противопоставляется естественной *природной среде* (в которой живут экопоселенцы).

Жизнь в городской среде хорошо знакома информантам, т.к. все они до переезда в поселение жили в крупных российских городах. В своих нарративах они интерпретируют современное общество и в особенности городскую социальную среду как систему, в которой человек **зависим** от сложных систем производства, от множества процессов. «Элек-

тричество — это значит электрики, станции, все производство, которое с этим связано. Есть медицина, значит, здесь институты исследовательские, химия там и так далее, что с этим связано. Там транспорт, значит, бензин, нефтедобывающая промышленность, все, что с этим связано. Там магазин, супермаркет и так далее — производство пиццы, которое с этим связано. То есть человек как будто окружен этим всем миром процессов, в которых он **не принимает участия**. Он принимает участие в чем-то одном, причем даже иногда непонятно, в чем» (М., 36 л.).

Глядя из поселения на жизнь в городе, жители Нево-Эковилия остро ощущают (и гиперболизируют) зависимость городского человека от множества экспертных технологических систем.* В их рассказах о городе присутствует «катастрофичность»: «Как закрыли магазин — ты остался голодным, у тебя прорвало отопление — ты без отопления, печки нет, выключился газ — тебе не приготовить и на улице ты костер жечь не пойдешь, готовить котелком» (Ж., 34 г.). По их мнению, в городе в случае каких-либо катастроф, сбоев в системах человек **Абсолютно беспомощен**. Потому что он зависит от горячей воды, от всего, от электричества, магазин там закрыли, и все, он повис в воздухе» (Ж., 27 л.).

Главные категории, возникающие в речи информантов при разговорах о Городе — это зависимость и беспомощность человека в случае сбоев в обслуживающих системах. «И в случае чего, ну, в случае каких-то проблем, серьезных проблем нарушение в любой из систем приводит практически к гибели человека. Человек в городе более **беспомощный**, несмотря на всю мощь цивилизации, несмотря на всю как бы манифестацию победы человека над природой, человек беспомощен перед природой» (М., 41 г.). Ставится под вопрос «могущество» человека, его власть над природой, «мощь цивилизации», потому что любые техногенные или природные катаклизмы могут привести к аварии в системах и, как следствие, к «гибели человека», зависимо от них.

Предчувствие грядущих экологических катастроф, желание освободиться от беспомощности и зависимости городского человека привели этих людей к идее жизни на природе, к созданию поселения нового типа. Они хотят научиться жить «в природе», уйти от кризисного «городского» мира и построить другой, более гармонично вписанный в окружающую природную среду. «Наверное, здесь все, ну почти все, воспринимают этот мир как **мир разрушающийся**. И пытаются в этом разрушающемся мире как можно дольше прожить. И действительно кажется — ну глобальная **катастрофа**, хоть завтра она происходит, могут ли я в ней выжить» (Ж., 37 л.).

* Западное социологи используют также для обозначения этих систем термин *коллективные социо-материальные системы обеспечения* [10]. Человек, живущий в городской среде, включен в циклы производства потребления, его обслуживает множество коллективных социо-материальных систем. Каждый раз, когда городской житель включает воду или свет, он использует услугу, поставляемую экспертными системами. Эти экспертные системы называют «коллективным фундаментом частной жизни» [11].

Главный элемент систем производства и потребления — это деньги. Для того, чтобы преодолеть зависимость от этих систем, некоторые информанты пытаются минимизировать использование денег. Приведем рассказ одной из жительниц Нево-Эковила о таком опыте поселенца К.: *«Он пытался выжить года два, год, наверное, не имея никаких средств, денег не имея. (Он решил:) “Я буду выключен из этой системы социальной. И я из нее буду выключен, из этой общей компьютеризации, статистики... Я вообще не хочу в этой системе быть, где человек становится единицей, номером, смогу ли я прожить вне этой системы, потому что это явно, что она будет давать и требовать, чтобы ты в нее включался”.* И он так год-два, ну года полтора жил на грибах и своем урожае» (Ж., 34 г.). Для того, чтобы освободиться от давления «системы», этот человек пробует выжить без денег. В городе такой «выход» невозможен, в поселении же это позволяют сделать собственный огород, сбор грибов и ягод, рыбалка. В этом «разрушающемся мире» жизнь на природе рассматривается информантами как способ обходиться без денег, природа (жизнь в природе) определяется ими как средство выживания, она дает возможность преодолеть катастрофы. *«Но жить, выжить и иметь что-то покушать можно в любой ситуации, особенно, когда рядом тебя окружает природа» (М., 36 л.).* В современной России такая позиция может быть рассмотрена как способ решения экономических проблем через достижение относительной независимости от кризисов в экономике, постоянной инфляции или как стратегия приспособления к ситуации в условиях ненадежной инфраструктуры.

Осознание и проблематизация зависимости порождает у индивида желание выйти из системы, делающей его «беспомощным». Жизнь в экологическом поселении противопоставляется городской жизни, она становится для информантов частичным освобождением. Через самообеспечение, построение альтернативных инфраструктур достигается некоторая защищенность от влияния систем производства и потребления, от техногенных катастроф и аварий.

Важна для информантов оппозиция «грязного» города и «чистого» поселения. *«Сейчас он (город — А.Б.) стал чужим, он давит, действительно давит, после него нужно дня три отходить, мы сюда приезжаем и отходим. У нас скапливается какая-то грязь на теле, мы в бане очень долго ее отмываем» (М., 36 л.).* Поселенцы конструируют город как грязный, после пребывания в нем они загрязняются — становятся «не-чистыми». Другая информантка также чувствует себя загрязненной, когда возвращается из города. *«Я в ванной не могу никогда отмыться так, как в бане. Приезжаем когда, я сажусь в баню и чувствую себя очень загрязненной. А здесь почему-то всегда чистота» (Ж., 34 г.).* Поселение здесь ассоциируется с чистотой, город — с грязью.

Символом чистоты в поселении является не только баня, но и продукты, выращиваемые своими руками: *«Мы переходим на чистые продукты, и мне это тоже очень важно, что мы едим, и дети мои будут есть*

чистые продукты. Потому что тоже всем известно, что продается у нас в магазинах и все эти **ножки Буша**, и все эти **продукты генной инженерии**, о которой мы мало знаем и только догадываемся. И мне вот важно, что я ем **свою** картошку. Помимо всяких там, может, мистических... мне важно, что я ем **чистые продукты**» (Ж., 33 г.). В этом рассказе «грязный» город представлен магазинами, «ножками Буша», продуктами генной инженерии, а «чистое поселение» символизирует **своя** картошка. «Значимыми другими» вновь являются дети — именно на них ориентируется и ради них переезжает в поселение данная семья.

Преимущества жизни в экопоселении доказываются информантами также на основании эстетических критериев. Урбанизированная «красота» города воспринимается поселенцами как искусственная, не настоящая. *«Красота, которая там есть, городская, урбанистическая. Витрины эти, зеркальные эти небоскребы, оно мною не воспринимается как красивое. То есть это какая-то для меня не божественная красота. А здесь красиво по-настоящему. То есть от той красоты я не получаю удовольствия, мне просто удобно в этой красоте. А здесь по-настоящему красиво так, что дух замирает, небо, леса, все что угодно. И это вот как бы естественнее, сущностнее, ну это ж понятно. И дает больше наполненности. Вот я там могу ходить, ничего не делать и ни о чем не думать и чувствовать себя совершенно выжатой. Здесь то же самое, хожу ничего не делаю, но у меня есть ощущение полноты»* (Ж., 34 г.). Символами урбанизированной красоты в этом рассказе стали небоскребы и витрины, с поселением ассоциируются небо, леса, природа. Город — искусственная красота, утилитарная («просто удобно»), ощущение «выжатости». Поселение — настоящая красота, естественная, ощущение полноты.

Потребительский образ жизни, широко распространенный в современном обществе, отрицается жителями Нево-Эковилля. *«Пусть я не буду эту кукурузу покупать измененную, американскую или какую еще там. И дети мои пусть этого не едят. И по магазинам не ходят и не смотрят на шмотки и не смотрят телевизор»* (Ж., 34 г.). «Американская кукуруза», «шмотки» и телевизор являются носителями городской культуры, они символизируют зло и «разрушение мира». Для поселенцев характерно отторжение западной (американской) культуры, западных образцов потребления.

Оправданием и референтами выбранной жизненной стратегии являются дети — символ будущего, во многом ради них информанты выбирают жизнь в поселении, стремясь оградить их от разрушительной среды города. *«Я очень бы хотела, чтобы дети, когда выросли, они не ушли отсюда. И чтобы они на свидания друг к другу ходили в лес, а не на дискотеку. Потому что опять же — другое все, дискотека и все, что за ней стоит — другая жизнь, другие ценности»* (Ж., 33 г.). В данном отрывке символом города становится массовая культура (дискотека), которая противопоставлена лесу. Информантка желает, чтобы дети приняли ее систему ценностей и не уехали из поселения, когда вырастут.

Одна из информанток отмечает, что о проблемах выживания человека и человечества она размышляет только в поселении. *«В городе совершенно спокойно, этого нету ничего, я приезжаю в город, у меня все это проходит. Здесь **вопрос жизни и смерти**, тут надо выжить, на всех уровнях, **надо не есть эти продукты**, которые непонятно как действуют на человека, надо просто заработать на хлеб. Тут постоянно ожидаешь, что произойдет нечто, то ли это будет потоп всемирный, то ли таяние, смерчи. Все что угодно. А в городе как-то это все очень притупляется. В город я приезжаю и вижу, что люди такие для меня несколько сонные, спокойно ходят на работу в свои эти учреждения, зарабатывают деньги, идут в магазин и их тратят»* (Ж., 33 г.). Городской мир из поселения представляется спокойным, однообразным, не замечающим грядущих экологических катастроф. Символы жизни в городе — учреждения, деньги, магазины. Жизнь в городе быстро теряет смысл для информантки, начинает раздражать замкнутое пространство квартиры, телевизор становится олицетворением городской жизни. *«Три дня я там отдыхала, от работы, а потом какая-то жуткая бессмысленность начинается — ну, сижу я в этой квартире, щелкаю телевизором, эти каналы смотрю, голова превращается неизвестно во что»* (Ж., 33 г.).

Собственная жизнь видится информантам как способ сопротивления через *не-участие*. Они считают, что жизнь в городе разрушительна, при этом она не позволяет задумываться о том, какое влияние оказывает на природу урбанистический образ жизни. *«А такие вопросы, как там мир разрушается, и что ты сам его разрушаешь, там (в городе — А.Б.) не задаются вопросы эти. А здесь такая установка — пусть зло войдет в этот мир **не через меня**. Оно все равно войдет, но пусть я не буду его проводником»* (Ж., 32 г.).

Для того, чтобы обобщить представленные в данном параграфе образы города и экопоселения, перечислим основные противопоставления. *Город* видится из поселения как искусственный, утилитарный, разрушающийся, грязный, человек в городе зависит от систем, он беспомощен — единица в системе, не влияющая на процессы. В противоположность этому образу, *поселение* представляется как естественное, чистое, часть природы, человек в нем также становится частью природы, поселение и жизнь в нем воспринимается как защита от техногенных кризисов. Символы города, звучащие в интервью с экопоселенцами: телевизор, небо-скребы, витрины, медицина, транспорт, компьютеризация, статистика, катастрофы, учреждения (работа), деньги, магазины, «вредные» продукты («ножки Буша», генетически модифицированные продукты, американская кукуруза), «шмотки», дискотека. Знаки поселения: природа, небо, леса, грибы, ягоды, рыбалка, «свои» (чистые) продукты, чистота, баня, общение, дети. Через серию противопоставлений информанты конструируют желанный образ поселения, они выстраивают символические границы группы — «своего» поселения, которому противопоставляется воображаемый, обобщенный образ «чужого» города, «колонизирующего» жизненный мир человека.

Экопоселение — Деревня

Оппозиция деревне не так ярко выражается в нарративах поселенцев, как оппозиция городу. Наиболее важное для информантов отличие подобного поселения от обычной деревни — это возможность общения с людьми со сходными интересами и интеллектуальным уровнем. *«У меня отец живет в деревне, он нас зовет и у него большой дом. И по всему, по сыновнему долгу надо было ехать к отцу, и хозяйство его там поддерживать. Но там сплошь — мат, пьянство и интересов никаких больше нет. Жизнь лишена общения. И у нас была задача совместить жизнь в деревне и в то же время такой как здесь мощный интеллектуальный запас»* (М., 38 л.). Символы современной деревни в этом рассказе — мат, пьянство, отсутствие жизненных интересов, экопоселение конструируется здесь как **интеллектуальное сообщество**.

Деревня в том состоянии, в каком она существует в современной России, не удовлетворяет экопоселенцев, так как большинство живущих сейчас в деревнях людей постепенно *спиваются и деградируют*. *«Деревня — это очень хорошо, но, к сожалению, деревня за последнее время потеряла свои корни и традиции. Она спивается сейчас, вообще непонятно во что эти деревни вырождаются. А здесь у нас такая попытка как бы деревню воссоздать... Почему вот я не хотела бы просто ехать в деревню? Потому что общение ведь очень важно. А здесь все-таки собрались люди интересные каждый друг другу, которые могут друг другу принести что-то. Здесь одновременно и такая крестьянская жизнь и одновременно такое хорошее душевное, духовное, интеллектуальное общение»* (Ж., 33 г.). Жизнь в экологическом поселении видится людям и не как городская, и не как крестьянская, хотя единственное значимое отличие от деревни — это общение, интеллектуальная социальная среда людей со сходными интересами. Своё сообщество, сложившиеся в нем правила и нормы поселенцы противопоставляют деревенскому пьянству, потере корней и традиций, вырождению, они стремятся совместить крестьянскую жизнь и интеллектуальное общение. *«Почему поселение, потому что здесь все по своей воле, не просто живут в деревне, а все съехались, разными способами»* (Ж., 32 г.).

Но не только оппозиция свойственна информантам по отношению к деревне. Некоторые поселенцы с удовлетворением отмечают, что в их поселении есть черты, которые были свойственны российской деревне до того, как она деградировала. *«Я вижу, что сейчас у нас, и это наполняет мою душу невыразимым блаженством, что у нас много таких вот признаков деревенской общины — есть общая баня, которая особо без скандалов, заготавливаются дрова, ремонтируется, у нас общине праздники, ну много каких-то таких признаков, которые мне нравятся»* (М., 38 л.). Необходимо отметить, что важную часть общей жизненной программы в поселении занимают совместные праздники, возрождение народных традиций. Поселенцы организуют гуляния в ночь Ивана Купалы, на масленицу, ежегодно отмечают праздник урожая.

В следующем фрагменте информантка рассматривает Нево-Эковиль как деревню и вводит оппозицию **деревня — город**, говоря об отношении к природной окружающей среде. *«Это город эксплуатирует природу. Деревня, она не будет эксплуатировать, она должна выживать, и это естественно, не будет воду загрязнять, потому что от этого **зависит**, будет рыба или нет. А в городе это **неважно**, потому что рыба появляется на прилавках, и если там Неву загрязнят, или Ладогу, или Балтику, привезут с другого места рыбу. А здесь ты ведь очень связан со всем, твоя жизнь очень связана со всем этим»* (Ж., 33 г.). Для жизни в экопоселении, как и для жизни в обычной деревне, характерен тесный контакт с окружающей природной средой. В данном отрывке говорится о зависимости поселенцев от окружающей среды в том смысле, что любые загрязнения и влияния, оказываемые жителями поселения на локальные экосистемы, воздействуют на самих экопоселенцев (в городе цепочка, через которую к человеку возвращается «эффект» от использования им природных ресурсов, значительно длиннее). Но такая зависимость воспринимается не как бремя, в отличие от «городских зависимостей», а как закономерность, необходимое условие жизни.

Подводя итоги, можно реконструировать такой образ деревни, противопоставленный желаемому образу поселения: деревня деградирует, спивается, утрачивает корни, вместе с корнями теряется полноценное общение, солидарность. Поселение видится альтернативой такому образу деревни, в нем возрождается прежняя, «хорошая» деревня: интеллектуальное общение совмещается с крестьянской жизнью, возрождаются традиции, не разрывается связь с природой, обуславливающая заботу о ней.

Рассмотренные оппозиции отражают общее видение социальной реальности, характерное для жителей поселения Нево-Эковиль. На основе проанализированных оппозиций были реконструированы образы города и деревни — главных ценностных оппонентов экологических поселений. Коллективная идентичность поселенцев конструируется через ценностный конфликт и противопоставления, осознается «мы», вырабатываются фреймы отношения к окружающему социальному миру.

Россия — Запад

В поселении присутствует ориентация на возрождение российских традиций. Такая тенденция наблюдается, в основном, у верующих поселенцев — сторонников православия, старообрядчества, зороастризма.

Информанты, размышляя над причинами, побудившими их к «выходу из системы», объясняют это решение с религиозной точки зрения: *«Ну это такое православное мировоззрение, время такое антихристианское, и надо как-то в нем выживать»* (Ж., 33 г.). Религия, Россия, традиция, нация — эти слова регулярно звучат в нарративах некоторых информантов. Продолжая, информантка говорит: *«Вот мы попробуем это сделать. Ну М. и К. (один из упоминаемых — муж информантки — А.Б.) — они **патриоты**, потому что это слово иногда имеет*

негативную окраску, вот они **по-хорошему** патриоты. Они **русские**, и им важно, чтобы их **нация** не пропала. Поэтому и детей столько. Вот надо рожать детей и воспитывать их в нормальной традиции, пусть на одного человека станет больше. Так что известно, что идет **вырождение нации**. Зачем? У каждой нации, конечно, все разные, у каждой есть своя миссия. Опасное дело, когда вырождение идет». Путь к выходу общества из кризиса эта женщина видит в «хорошем» патриотизме, рождении детей и их «правильном» воспитании.

Русские традиции, религии, патриотизм, дети — это признаки «мы», в то время как «они» в противостоянии России и Запада представлены потребительством («шмотками»), генетически измененными западными продуктами, американской кукурузой, рекламой (см. предыдущий раздел). Еще одним признаком Запада становится рационализм — четкость, предсказуемость, запланированность жизни в западных обществах. *«Там все четко. Начинается день, и одно за другим, одно за другим, все вовремя подъезжает, все вовремя отъезжает, все вовремя режется, все вовремя строится, все вовремя готовится. Не дай бог хоть один винтик выпадет из этого механизма — все здание рухнет, такое ощущение создается. Хотя все как часы отлажено. Бедные... Вдруг выпадет? То есть это благополучие, материальное благополучие, которое имеет западный человек... держится на одном болтике. Наше благополучие, которого нет, это результат работы ума, наверное»* (М., 36 л.). С жизнью в западных странах у информанта ассоциируются (необходимо заметить, что этот человек ни разу не был за границей) четкость и своевременность всех действий и операций. Он конструирует ситуацию, в которой происходит какая-то авария («винтик выпадет»), и считает, что благополучие в этом случае рухнет. В противоположность «бедному» (достойному жалости) западному человеку русский человек репрезентируется как неблагополучный, но умный.

Возвращение к российским традициям в данном поселении смыкается с антизападной установкой, ориентацией на возрождение России. Западные общества конструируются информантами как рациональные системы, ориентированные на потребление.

«Они» во взаимодействии лицом-к-лицу

Город, деревня, Запад являются идеологическими, абстрактными «противниками» поселенцев. В социальном мире «они» представлены конкретными людьми, институтами — теми, с кем поселенцы контактируют «лицом-к-лицу». В рассказах информантов о конфликтных ситуациях описываются «они», встречи с которыми происходят в повседневной жизни. Это те, кто является приверженцами других ценностей, кто не понимает и не принимает жизненные убеждения жителей экоселения.

Характерно, что это не обязательно «чужие» люди в буквальном смысле слова — среди тех, кто отрицает ценности экоселенцев, зачастую оказываются их близкие — дети, родители, друзья. Ситуации, в которых

проявляется столкновение ценностей, я условно называю конфликтными, несмотря на то, что чаще всего это скрытые, неявные противоречия, которые редко выливаются в открытые конфликты. Среди конфликтов, о которых рассказывали в интервью информанты, можно выделить *родственные и дружеские, внутренние* (в сообществе экопоселенцев) и *внешние* конфликты (или «бюрократические» — конфликты, происходящие в различных официальных учреждениях).

Конфликты с родственниками и друзьями

Взаимодействие с родственниками складывается у поселенцев по-разному — у одних родные принимают и разделяют их убеждения, у других возникают конфликты или непонимание. *«Ну вот наши родители, мои, жены, они же вообще в шоке просто, она до сих пор боится и она в шоке, что здесь нет телевизора, что здесь не едят мяса, что здесь дети бегают босиком по лесу, где змеи. То есть это для нее действительно шок, ей эту психологию невозможно понять»* (М., 36 л.). Родителям этих информантов непонятно, как можно жить без телевизора, они не являются сторонниками вегетарианства, их как городских жителей пугает привычка ходить по лесу, где могут быть змеи без обуви. Носителями городских ценностей (чуждых информантам) в этом фрагменте выступают родители, которые не принимают и не разделяют ценности и повседневные практики поселенцев. Телевизор здесь опять возникает как символ чуждого города, а его отсутствие является одной из основных причин того, что мать одной из информанток не хочет переезжать к дочери. *«А у меня мама даже сюда не приедет вообще никогда. Это уж точно. Что я буду, говорит, в деревне делать. Тут у меня горячая вода, телевизор, сериалы, все, говорит»* (Ж., 34 г.). Горячая вода, сериалы по телевизору — вот наполнение городской жизни тех, кто не является единомышленниками, для себя же поселенцы *выбирают* хождение босиком, отсутствие страха перед животными, отказ от телевизора и вегетарианство.

Иногда в ценностной оппозиции к поселенцам оказываются их собственные дети. Так, например, в одной из семей, живущих в поселении, 8 детей, часть из которых, следом за родителями, придерживается вегетарианства, а часть — периодически ест мясо. Вот как информанты рассказывают о решении этого конфликта: *«Ребята у нас едят (мясо — А.Б.). Мы не покупаем, сами не готовим, но просто приезжают люди, кто привозит, тут брат мой с шашлыками все... Это не возбраняется. Они рыбу вот ловят, там жарят где-то на костре, тут вот иногда. Раков ловят. Одно время мы начинали давить, но потом поняли, что не имеем права так»* (Ж., 34 л.). К отказу от давления на детей эта семья пришла не сразу, а после того, как родители попробовали повлиять на детей, заставить принять их убеждения. *«(Вначале — А.Б.) чуть ли не жесткими методами их ограничивали. Но это все равно выливалось в моменты, когда ребенок там с жадными глазами, озираясь, поедает там эту сосиску где-то, котлету несчастную»* (М., 36 л.).

После таких происшествий было принято решение отказаться от принуждения детей и предоставить им решать самим — хотят они быть вегетарианцами или нет. Сейчас семья «наполовину» вегетарианская — родители и некоторые дети совсем не едят мяса, остальные же эпизодически, когда ездят в гости или когда родственники и гости приезжают в Неве-Эковиль. Информанты не в силах оградить детей от влияния «того мира»: *«(Дети — А.Б.) видят, что вокруг происходит. Как их от этого оградить? Это тяжело, не пустить тот мир через детей сюда очень тяжело. Потому что они все видят, а глаза не закроешь. И им тяжело прежде всего. Как они видят в городе на каждом углу шоколадку, кока-колу и все остальное... А мы говорим, ешьте сытно, это все ерунда. Ну как это ерунда, если все там это пьют, едят, еще реклама, это все воздействует...»* (М., 36 л.). Город приходит в поселение через детей, которые выбирают продукты широко рекламирующиеся, являющиеся популярными среди молодежи (а не сытно, которую едят их родители).

Отношение поселенцев к рекламе резко негативное — телевизор и реклама воспринимаются как символы разрушающегося мира. Родственники, которые привыкли к телевизору и не представляют свою жизнь без него, часто фигурируют в рассказах поселенцев: *«Вот моя сестра приезжала, говорит — а что это вы телевизор не смотрите. А я говорю — Н., ты не видишь вообще, что там происходит? Это же такое полное **разрушение сознания**. Одни рекламы! Это ж зомбирование, такое очень грамотное **давление на психику** человека, ну что мой ребенок будет, какое мировоззрение у него будет, если он будет смотреть каждый день что-нибудь такое, слушать эти все призывы о наслаждении, “ты – это все”, это же формирование совершенно **другого сознания** у людей и у детей»* (Ж., 33 г.). Слоганы, звучащие в рекламе, в восприятии информантки представляют угрозу для ее ребенка. Дети, являющиеся главной ценностью в жизни этой женщины, не должны, по ее мнению, подвергаться разрушительной агитации, заложенной в рекламные ролики. Сестра, которая приехала в гости и не обнаружила в этой семье привычного для нее телевизора, не понимает позицию информантки, она уже является носителем «другого сознания».

Традиционный конфликт между родителями и детьми в поселении может усугубляться тем, что родители «не такие, как все». Это видно из рассказа одной из информанток о приемном ребенке из многодетной семьи: *«У него другие ценности, другие желания, другая жизнь. И он там думает, ну мои родители немножко **не такие**, что ж делать, проживу с ними»* (Ж., 28 л.). Этот ребенок не разделяет родительских ценностей и придумывает собственные стратегии, презентуя родителей в своей среде как специалистов, с престижными, по его мнению, профессиями: *«Стесняется, что мы там в земле копаемся. Когда спросят — кто твои родители? А мы никто на самом деле, мы безработные, без ничего. У нас широкий спектр вот здесь вот деятельности, связанной как раз с обеспечением себя, но мы никто. Но он все-таки нашел, когда говорит, кто родители, он выбрал для*

меня профессию пчеловода, престижную, самая чистая такая, а маме — учитель. Мама учитель, а папа пчеловод...» (М., 36 л.).

Друзья и коллеги по работе также не всегда принимают убеждения поселенцев. Многим из них сложно объяснить тем, кто не включен в сообщество поселенцев, мотивы, по которым они выбрали жизнь в поселении. Небольшие доходы (и отсутствие стремления к их увеличению), аскетизм в жизненном устройстве, минимизация потребностей озадачивают социальное окружение информантов: *«Они (коллеги по работе — А.Б.) не понимают, а мне очень сложно им объяснить, потому что если человек материалистического склада и он ориентирован на благосостояние, то ему очень сложно объяснить, что мне это (благосостояние) важно, но не настолько. Что я хочу жить здесь»* (Ж., 33 г.). Эта же информантка видит, что не только нынешние коллеги, но и бывшие однокурсники считают ее неблагополучной. *«Я для своих однокурсников неблагополучная. Потому что а) я работаю в школе. А это... ну что это такое, это нижняя ступенька, на которой все там... ну что такое школа? б) копаюсь в земле, в огороде, и живу где-то в деревне. Ну полностью где-то там... А, еще и денег мало к тому же! Если бы на фоне всего этого у меня было много денег, может быть, я была бы более благополучной. А тут еще и денег мало»* (Ж., 33 г.).

Итак, во взаимодействии лицом-к-лицу оппозиция «мы — они» конкретизируется, зачастую главными «они» для поселенцев становятся родственники, друзья, знакомые. «Они» — это непонимающие, символами «их» жизненного мира для поселенцев являются телевизор, реклама, мясо, кока-кола, деньги и т.п. Для «них» жители экопоселения — другие, неблагополучные, «никто». Таким образом, информанты отделяют себя 1) от «них»; 2) от «образа себя» в «их» глазах.

Внутренние конфликты

В результате конфликтов и напряженности в отношениях с некоторыми поселенцами одна из приехавших семей вынуждена была уехать из Нево-Эковилля. Вот как комментируют этот конфликт информанты: *«Они воинствующие экологи. Воинствующие, то есть они могут испортить все отношения из-за того, что не понравилось, как там выбрасывается мусор»* (Ж., 34 г.). Этот конфликт подтверждает выдвинутый мною тезис о том, что для того, чтобы вновь приезжающие люди остались в поселении, необходимо, чтобы их личный идентификационный код совпал с набором фреймов уже сложившегося сообщества.

В данном случае произошел конфликт с недавно приехавшей семьей, которая не смогла встроиться в уже существующую систему отношений. *«Ну, много таких людей на самом деле. Их называют фанатиками. В чем угодно фанатиком можно быть, в компьютерах или в экологии, какая разница. Все равно это уже в голове, повернулась и щелкает одна-единственная установка на всю жизнь. Вот, они поехали искать таких, как они»* (М., 36 л.). Конфликты возникли потому, что данная семья стремилась пропагандировать жесткие правила — что можно делать в

экологическом поселении, а что нельзя. Остальные поселенцы не захотели устанавливать строгие экологические требования, которым все должны были бы подчиняться, они предпочитают решать все вопросы внутри семейных сообществ. *«Но мы же не идем туда (к соседям), не говорим “ты неправильно сажаешь свои саженцы”. Или вы вообще неправильно живете здесь, здесь надо сделать так, так...»* (М., 36 л.).

Оппозиция «фанатики» — «нормальные» возникла потому, что в данном поселении изначально была принята ориентация на плюрализм идеологий, религий, верований, убеждений.* Жители данного поселения предпочитают иметь относительно гибкие (не-узкие) фреймы, такая гибкость фреймов дает возможность привлечь большее число сторонников. Этим Нево-Эковиль отличается, по мнению информантов, от многих других российских поселений, в него съезжались люди, которые избегали узких рамок конкретных идеологий: *«Большинство поселений, они как-то основаны на какой-то идее, для реализации чьих-то там заморочек. А нас это как-то не прикалывает. А здесь люди не загружают совершенно, каждый живет согласно своим представлениям, как надо жить, и как-то такой конгломерат образовался»* (М., 38 л.). Отсутствие доминирующего учения позволяет информантам мирно решать вопросы, в которых пересекаются различные религиозные интересы. *«Ну если бы мы идеологически давили друг на друга, то мы бы, наверное, все столкнулись. Тут хотели построить часовню. А потом оказалось — ну строим мы часовню, туда все приходим, все со своим — один со своим зороастризмом, другой со своим старообрядчеством, я со своим, и такое получается искажение этого всего»* (Ж., 33 г.).

В основе коллективной идентичности жителей Нево-Эковила лежит набор относительно гибких фреймов, которые могут при необходимости изменяться. В том случае, если в поселение попадают люди с иными схемами интерпретации социальной реальности, происходят конфликты, а затем либо взаимное приспособление фреймов основного сообщества и «новых» его членов, либо разрыв отношений.

Внешние конфликты

Под внешними конфликтами я имею в виду те, которые возникают из-за препятствий со стороны официальных органов. Негибкость постсоветских государственных законов затрудняет реализацию образа жизни, выбранного жителями Нево-Эковила. В конфликтах с ними также строится идентичность поселенцев.

Рассмотрим две различные конфликтные ситуации на примере одной из семей, постоянно живущих в Нево-Эковиле (М., 36 л., Ж., 34 г.). В этой семье вскоре должен родиться ребенок. Муж с женой совместно

* Перечислим религии и духовные учения, сторонниками которых являются жители Нево-Эковила: христианство, старообрядчество, зороастризм, буддизм и дзен-буддизм, учение Шри Ауробиндо Гхош, учение Порфирия Иванова. Есть атеисты, некоторые поселенцы занимаются йогой, несколько человек в прошлом были сторонниками идей Рериха.

решили, что женщина будет рожать не в больнице, а дома, рядом с мужем, и, может быть, с повитухой. При попытке выяснить, каким образом могут они в этом случае зарегистрировать ребенка, выяснилось, что таких случаев в районной больнице еще не было, и там не знают, по каким правилам регистрировать ребенка, рожденного дома. *«До шестидесятих годов было нормально, что рожают дома, после шестьдесят пятого года — закон, что все рожают только в роддомах. Как быстро человечество к этому привыкло! Теперь, когда хотят люди вернуться назад, чтоб естественно, с мужем там, со всем, оказывается, это очень сложно. До шестьдесят пятого года нормально рожали, ну то есть были с медиками, были без медиков. С повитухами... И вдруг так перестроиться... Нам сразу сказали — пока таких прецедентов не было».*

Этот случай демонстрирует сложности в реализации жизненных принципов поселенцев в существующих (в данной местности) структурных условиях. Принятое решение «рожать дома» сталкивается со структурными ограничениями, сложностями с регистрацией ребенка. Проблема возникает и с поиском повитухи, так как в относительно небольшом ближайшем городе Сортавала информанты ее найти не смогли: *«Здесь не найти, а в Москве, в Питере, где начинает сейчас процесс идти и развиваться, у них богатая практика акушерок, они сюда не поедут, потому что она если б и хотела бы, она не сможет, у нее там по нескольку рожениц, которых она ведет до беременности и после».* Информанты отмечают, что данная проблема легче решалась бы в условиях большого города (из которого они уехали), так как большой город предоставляет более широкий спектр различных услуг.

Еще одна показательная конфликтная ситуация возникла с регистрацией деревянного дома, построенного этой же семьей более года назад. *«Мы здесь уже живем второй год в построенном доме, а он не зарегистрирован еще. То есть чтобы его зарегистрировать, нужно дать трем комиссиям, нужно сдать там проект, в общем много всякой ерунды».* Информанты хотели зарегистрировать дом без электричества, сдав его только пожарной и санитарно-эпидемиологической службам. В настоящее время они пользуются электричеством неофициально, договорившись с соседями по поселению и протянув от них провода без столбов. *«Потому что на столбы просто у нас денег не хватит, чтобы сюда провести электричество, официальные, как положено — столбы, провода, все выдержать, просто не хватит у нас, никто этим заниматься не будет. Говорим, давайте без электричества. И вот это они даже позволить не могут, как это человек будет жить без электричества».* Информанты вполне допускают, что они могли бы прожить совсем без электричества, но это сложно представить государственным служащим: *«Как это без электричества? Представляете, человек уже не может мыслить себе жизнь без электричества. Жили как-то люди и до лампочки Ильича, и до первого паровоза...».*

Во внешних конфликтах также формируются фреймы сообщества, выстраиваются символические границы «мы — они». Рассмотренные

выше случаи показывают, что во взаимодействии с официальными структурами поселенцы становятся «другими», «не-нормальными», нарушающими существующие порядки и правила. Их действия не вписываются в установленные официальные рамки. В каждом конкретном конфликтном случае достигается компромисс, ищутся возможности в законах и правилах для реализации проектов информантов — «в виде исключения».

Заключение

В данном исследовании экопоселение Нево-Эковиль анализировалось в рамках теории Новых общественных движений. Было продемонстрировано, что жители поселения являются носителями новых для России ценностей, они стремятся изменить свой образ жизни на более «дружественный природе». В процессе построения экологического поселения и создания сообщества формируется коллективная идентичность жителей поселения, выстраиваются новые идентификационные коды и общие интерпретативные схемы, на основе которых конструируются символические границы сообщества. Основой для формирования коллективной идентичности жителей экопоселения является система противопоставлений «мы — они», проанализированная в данной статье в рамках базовых оппозиций: экопоселение — город, экопоселение — деревня, Россия — Запад.

Жители Нево-Эковиль стремятся создать поселение нового типа, в котором будут сочетаться «положительные» черты деревни и города. Обобщим основные принципы, на которых было организовано данное поселение. Во-первых, в Нево-Эковиле живет сообщество идеологически, финансово, религиозно независимых индивидов: нет общей религии, все имущество в частном владении, уровень обобществления минимален. Во-вторых, объединяет поселенцев общая социальная среда, общие интересы, ценности и интеллектуальный уровень, и, в-третьих, общие оппозиции — их не устраивает жизнь ни в городе, ни в современной деревне (поэтому они пытаются создать поселение нового типа). Сформировавшееся в Нево-Эковиле сообщество объединяет также отрицание урбанистического образа жизни, ориентация на уменьшение антропогенной нагрузки на природную окружающую среду, ориентация на плюралистичность убеждений. Стратегия автономизации и демонстрация собственного образа жизни путем построения экологического поселения представляется информантам наиболее действенным способом распространения экологических ценностей в обществе.

Исторический и социальный контекст формирования экопоселений на Западе и в России существенно различается. Российские поселения создаются в условиях социальных трансформаций и нестабильной экономической ситуации. Характерной чертой экопоселений в России является использование простых и недорогих способов «экологизации» стилей жизни (в отличие от западных поселений, в которых для снижения нагрузки на природу используются сложные тех-

нологии ресурсосбережения). Попытки создания экопоселений в России — это, с одной стороны, рефлексия на множество рисков технократического, индустриального общества, с другой — один из способов выжить в сложных, постоянно меняющихся российских экономических условиях. Создание экологических поселений в России можно рассматривать как стратегию решения экономических проблем через достижение относительной независимости от кризисных ситуаций в экономике, постоянной инфляции.

Литература

1. Melucci A. *Nomads of the Present*. N.Y., 1989.
2. Upsall D., Worcester R. You can't sink a rainbow. WAPOR Conference. The Hague, 21 September. 1995.
3. Anderson B. *Imagined Communities: Reflection of the Origin and Spread of Nationalism*. London: New Left Books, 1983.
4. Макнотен Ф., Урри Дж. *Социология природы. Теория общества* / Под ред. А.Ф. Филлипова. М.: Каннон-пресс-Ц, Кучково поле, 1999.
5. *Case study research: design and method*. Newbury Park. CA: Sage, Yin, 1992.
6. Snow D., Rochford E.B., Worden S., Benford R. *Frame Alignment Processes, Micromobilisation, and Movement Participation* // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. № 4.
7. Кулясова А., Кулясов И. Экопоселения в России // *Электронный журнал EcoNews*. 2001. № 5 (204).
8. Гончаров И. Нево — имя древнее... // *Электронный бюллетень московского ИСАР*. 1998. № 7.
9. Taylor V., Whittier N. *Analytical Approaches to Social Movement Culture: The Culture of the Women's Movement* // *Social Movements and Culture* / Ed. by H. Johnston, B. Klandermans. London: UCL Press Limited, 1995.
10. *Environment and global modernity* / Ed. G. Spaargaren, A.P.I. Mol, F.H. Buttel. London: Sage, 2000.
11. *The Sociology of consumption: an anthology* / Ed. P. Otnes. Oslo: Solum forlag A/S; Atlantic Highlands, N.Y.: Humanities Press, 1988.